МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Е. Э. БЛОМКВИСТ

ДИСКРИМИНАЦИЯ ИРОКЕЗОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В октябре 1950 г. группа вождей ирокезов вручила главе делегации СССР на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинскому копию жалобы на дискриминационные действия американских властей в отношении индейцев вообще и в отношении ирокезов в особенности.

В жалобе отмечается, что в настоящее время в американском конгрессе подготовляется ряд законопроектов, которые в случае их принятия «нанесут непоправимый вред социальному и экономическому статусу всего индейского населения».

Некоторые из этих законопроектов предусматривают новое сокращение территории индейских резерваций, вопреки договорам, заключенным между американским правительством и индейскими племенами. Другие законы направлены на дальнейшее ограничение самоуправления внутри индейских племен.

В жалобе указывается на притеснения, чинимые властями штата Нью-Йорк в отношении проживающей на территории этого штата Лиги ирокезов (так называемой Конфедерации шести наций). В частности, в жалобе говорится, что власти штата обманным путем уже добились отторжения от Лиги ирокезов 18 млн. акров земли. «В то время как США устами своих представителей говорят о необходимости признания в мировой политике прав малых наций,— говорится в жалобе,— внутри США имеется малая нация, которая настаивает, чтобы Соединенные Штаты осуществляли на практике то, о чем говорят их представители. Конфедерация шести наций (или Лига ирокезов) получила признание в истории США, однако за последнее время ей отказывают в существовании, как нации... США и другие так называемые западные государства показывают пальцем на страны Восточной Европы и Ближнего Востока... В то же время США силой навязывают индейцам шести наций свое господство над ними... Во время прошлой сессии американского конгресса,— говорится далее в жалобе,— были внесены три проекта законов, которые в случае их принятия будут означать разрушение Конфедерации шести наций.

Эти законы будут насильственно навязаны народу, который не имеет своего представительства в правительстве, принимающем такие законы, и который не имеет никакого желания быть представленным в таком правительстве».

«Несколько лет тому назад,— говорится в разделе жалобы, озаглавленном «Призыв к справедливости» и обращенном к американскому народу,— вы выиграли великую войну. Мы сражались на стороне ваших генералов. Нам говорили, что мы сражались за демократию, за права малых народов. Ваши генералы еще живы, чтобы рассказать о нашей лойяльности. Да, кровь наших воинов пролилась на полях сражений Франции, Германии и Японии, как нам говорили, за демократию. Почему же вы желаете порвать священные соглашения между вашей страной и шестью нациями? Наши священные договоры ломаются, как ветви молодого деревца, ваши спекулянты землей приходят, чтобы обмануть нас, ваших бывших покровителей — ирокезов, бывших когда-то великой и могучей нацией».

Жалоба ирокезов является одним из множества документов, разоблачающих антинародную, империалистическую политику расового и национального угнетения, последовательно осуществляемую правительством США. Она убедительно разоблачает пресловутый «американский образ жизни», который империалисты США пытаются силой оружия навязать другим народам в Азии и в Европе.

Индейцы — это коренное население Америки. Соединенные Штаты основаны на земле индейцев. Сейчас их насчитывается 450 тысяч человек (в Канаде и США), но это лишь остатки когда-то многочисленных народов, создавших свою самобытную культуру. Вся история так называемой индейской политики США представляет собой историю захвата индейских земель, насильственных переселений и массового физического истребления индейцев. Индейцы Союза ирокезов или, как они сами называют свой Союз, Конфедерации шести наций являются одной из жертв этой империалистической политики.

* * *

Время возникновения Союза ирокезов определяется между 1559—1570 гг., когда, по преданию, на берегу лесного озера Онондага собрались вожди и родовые старейшины нескольких ирокезских племен и договорились прекратить вражду между своими племенами и заключить между ними вечный союз. Инициативу этого события народное предание приписывает легендарному Гайавате, которого обессмертил в своей знаменитой поэме американский поэт XIX в. Лонгфелло, хотя он и приписал Гайавате эпизоды из мифологии алгонкинских племен [1]. Первоначально Союз состоял из пяти племен — сенека, кайюга, онондага, онейда и могавк; много позднее, в начале XVIII в., в Союз было принято шестое племя — тускарора. Ирокезы называли свой Союз «Но-de'-no-sau-nee», что означает «народ Длинного дома»; этим они уподобляли свою страну длинному дому, т. е. жилищу большой материнской семьи; восточный вход в этот символический дом был у могавков, западный вход охраняли сенека (см. карту 1).

---

[1] Здесь не безинтересно будет вспомнить один случай, происшедший в Голливуде в сентябре 1950 г. Как сообщает корреспондент газеты «Нью-Иорк таймс» из Голливуда, ему стало известно, что «Монограм филм компани» решила не завершать съемку фильма по поэме классика американской литературы Лонгфелло «Песнь о Гайавате», производство которого было начато полгода назад.

Корреспондент заявляет, что это решение вызвано «опасением, что фильм о жизни и подвигах Гайаваты... может рассматриваться при нынешних настроениях в стране, как коммунистическая пропаганда... По заявлению представителя киностудии компании, особенно пугают компанию эпизоды, описывающие, как Гайавата старается установить мир между враждующими племенами индейцев, что привело к созданию конфедерации пяти индейских племен. Было решено, что эти мирные усилия могут дать основание рассматривать фильм как призыв к миру, что наруку

В 10-х гг. XVII в. на р. Гудзон утвердились голландцы, через 50 лет их вытеснили англичане. И те и другие в обмен на меха снабжали ирокезов европейскими изделиями, в том числе ружьями, порохом и пр. Получив огнестрельное оружие, Союз постепенно из мирного объединения превратился в грозную силу, подчинившую себе все окрестные племена; к середине XVII в. Союз контролировал огромную территорию от Лабрадора до Каролины.

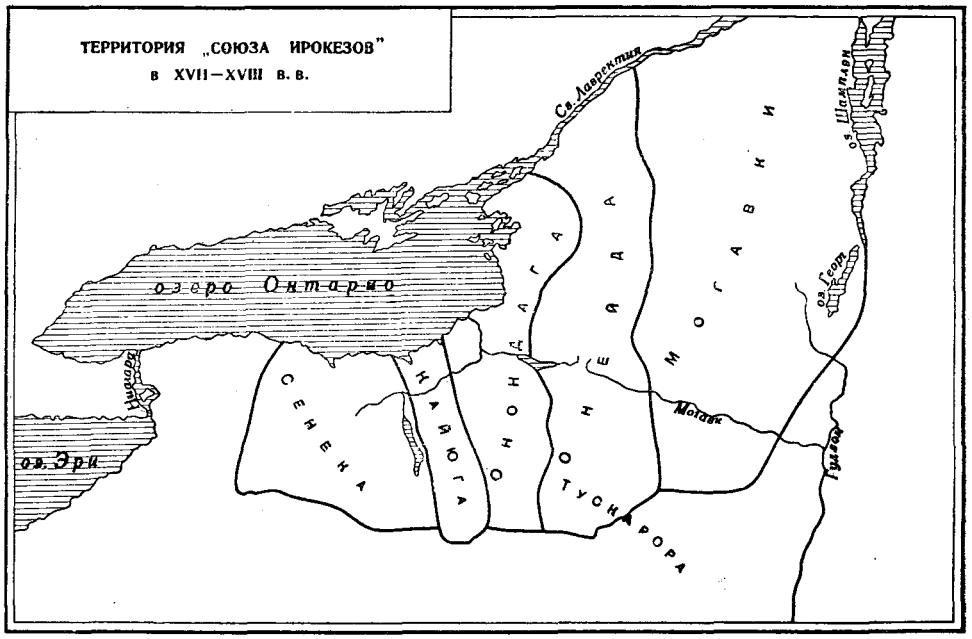

Рис. 1. Территория Союза ирокезов в XVII—XVIII вв.

Англия видела в Союзе ирокезов силу, на которую можно опереться в борьбе как со своими европейскими соперниками, так и с другими индейскими племенами. Используя подкуп, демагогию и шантаж, англичане добились заключения ряда договоров о «дружбе», «союзе» и т. п. В борьбе Англии и Франции за господство в Северной Америке Союз ирокезов выступил на стороне Англии и сыграл немалую роль в окончательном исходе этой борьбы.

Когда английские колонии в Северной Америке восстали против метрополии и начали открытую борьбу за независимость (1775), Англия вновь попыталась использовать Союз ирокезов. Ссылаясь на старые договоры и «традиционную дружбу», представители королевской власти потребовали присоединения Союза к армиям британского короля. Но все интриги и происки англичан (английский агент по делам индейцев Джонсон даже женился на сестре военного вождя ирокезов) на этот раз успеха не имели; «дружба» английского короля была уже оценена по достоинству.

Поэтому первое время Союз оставался нейтральным. Лишь через два года, в 1877 г., под нажимом англичан собрался Великий совет шести племен для обсуждения этого вопроса. Но совет раскололся, добиться желаемого решения не удалось. Раскололся и Союз ирокезов. Часть ирокезов попрежнему оставалась нейтральной, часть выступила на стороне короля, а онейда и часть тускарора были вовлечены в войну на стороне американцев.

Ирокезские отряды, принявшие британскую сторону, затрудняли ведение войны для восставших колоний, постоянно нападали на погра-

ничные селения, разрушали фермы и убивали колонистов. В августе 1779 г. американским командованием в страну ирокезов был отправлен карательный корпус, пронесшийся по их землям подобно лесному пожару, не разбирая правых и виноватых и ничего не щадя на своем пути: деревни были сожжены, дозревающая, но еще не убранная с полей кукуруза частью выжжена, частью посечена саблями, фруктовые сады вырублены, запасы зерна в житницах сожжены, скот перебит. На предстоящую суровую зиму население, разбежавшееся по окрестным лесам, осталось без крова, без запасов пищи. Все экономические достижения (особенно у сенека) были сведены на-нет, вся ирокезская культура была разрушена.

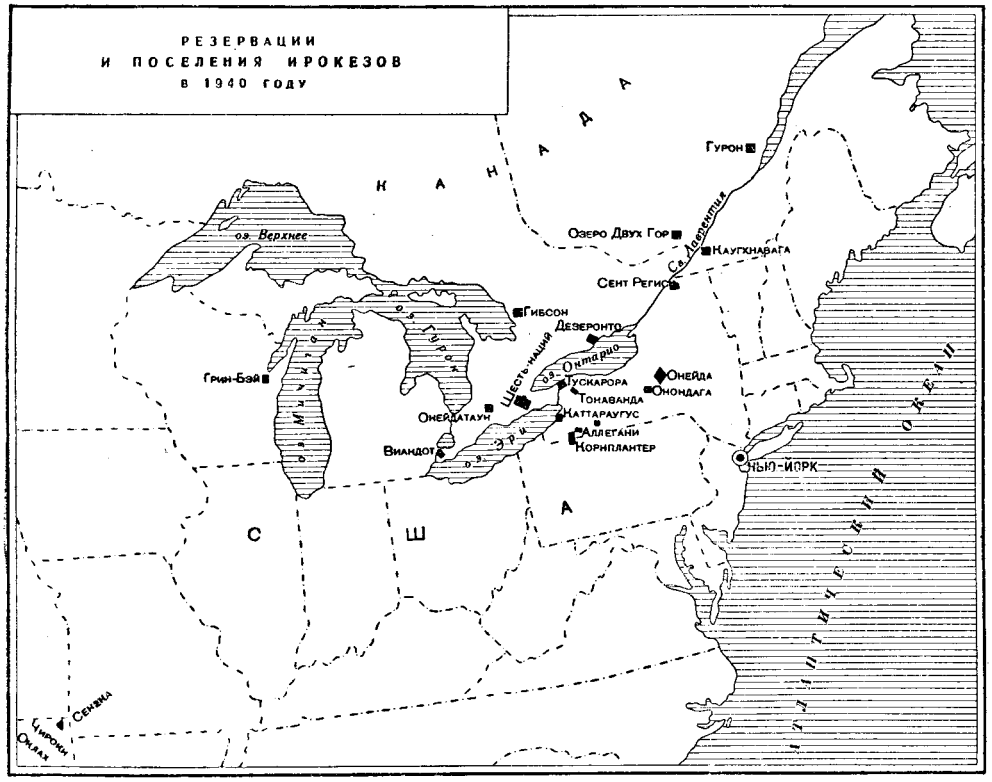

Рис. 2. Резервации и поселения ирокезов в 1940 г.

Мирный договор 1783 г. между штатами и Англией не упоминал об ирокезах: Англия, втравившая ирокезские племена в войну, бросила своих союзников, предоставив им самим договариваться с победившими колониями. Значительная часть ирокезов из всех племен, а племена могавков и кайюга почти целиком, еще до заключения мира ушла в Канаду, где британское правительство загнало своих союзников в резервации, эти своеобразные расовые заповедники. Оставшиеся на территории штата Нью-Йорк постепенно вернулись на свои пепелища. В 1784 г. между ирокезами и Соединенными Штатами был заключен мирный договор, по которому за вернувшимися была оставлена лишь небольшая часть их прежних владений. С тех пор и вплоть до нашего времени вся история ирокезов — это сплошная цепь договоров, большей частью насильственных, или попросту обманных, ведущих к постепенному обезземеливанию прежних вольных племен, владевших некогда обширными пространствами свободных земель. В 40-х гг. XIX в. часть ирокезов штата Нью-Йорк принуждена была выселиться

оттуда: группа онейда ушла на запад, за озера в штат Висконсин, а группа сенека перебралась на «Индейскую территорию», теперь штат Оклахома.

Таким образом, ирокезский народ оказался разбросанным небольшими селениями по материку, в четырех штатах США и двух провинциях Канады, от Квебека до Оклахомы, более чем на 2000 км.

В настоящее время ирокезы распределяются по резервациям США и Канады следующим образом (по данным 1940 г.) [2]:

№ п/п		Резервации	Отдельные племена: сенека	кайюга	онондага	онейда	могавк	тускарора	Итого
		США							
1	В штате Нью-Йорк	Тонаванда, к вост. от г. Буффало	600	—	—	—	—	—	600
2		Каттараугус, к юго-зап. от г. Буффало	1 500	200	—	—	—	—	1 700
3		Аллегани	900	—	—	—	—	—	900
4		Онондага	—	—	500	150	—	—	650
5		Тускарора, у Ниагарского водопада [3]	—	—	—	—	—	400	400
6		Сент-Регис, на берегу р. св. Лаврентия, примыкает к Канадской резервации [4]	—	—	—	—	1 050	—	1 050
7		Группа вне резервации, у селения Онейда	—	—	—	90	—	—	90
8		Корнплантер (Сажатель кукурузы) [5] в штате Пенсильвания	30	—	—	—	—	—	30
9		Грин Бэй (Зеленый залив) в штате Висконсин	—	—	—	2 000	—	—	2 000
10		Группа в штате Оклахома	487	—	—	—	—	—	487
		Итого	3 517	200	500	2 240	1 050	400	7 907
		Канада							
1	В провинции Онтарио	Резервация Шести наций, на Большой реке	200	1 000	375	386	1 900	400	4 261
2		Дезеронто	—	—	—	—	1 400	—	1 400
3		Гибсон	—	—	—	—	150	—	150
4		Онейдатаун	—	—	—	780	—	—	780
5	В провинции Квебек	Каугхнавага, близ Монреаля	—	—	—	—	2 250	—	2 250
6		Озеро Двух Гор, к зап. от Монреаля	—	—	—	—	400	—	400
7		Сент-Регис, на берегу р. св. Лаврентия, примыкает к Нью-йоркской резервации	—	—	—	—	1 500	—	1 500
8		Группа в провинции Альберта	—	—	—	—	147	—	147
		Итого	200	1 000	375	1 166	7 747	400	10 888
		Итого в резервациях Канады и США в 1940 г. было ирокезов	3 717	1 200	875	3 406	8 797	800	18 795

[2] W. N. Fenton, Problems arising from the historic northeastern position of the Iroquois, Smiths. Misc. Coll., vol. 100, 1940, стр. 215.

[3] По данным 1900 г., в резервации Тускарора жило 378 индейцев племени тускарора и 48 онондага.

[4] Резервация Сент-Регис Могавк состоит из двух смежных частей — канадской и американской.

[5] В резервации Корнплантер, по данным 1923 г., жило 24 семьи — 98 человек.

Ирокезы, живущие в резервациях, до сих пор говорят между собой на своем языке, сохраняя диалектные различия отдельных племен. Почти все они двуязычны, т. е. знают английский язык, и теперь уже редко встретишь ирокеза, не говорящего по-английски, да и это большей частью глубокие старики и изредка женщины. Литературы на ирокезском языке не существует, если не считать огромного количества переведенных на ирокезские языки книг религиозного содержания различных христианских церквей, как-то: библия, катехизис, псалтырь, молитвенники, богослужебные книги и пр. Перевод религиозной литературы на различные ирокезские языки и издание ее велись, начиная с XVII в., сначала иезуитами и другими католическими орденами, а позднее в эту работу включились миссионеры и других христианских церквей.

Кроме этих официально зарегистрированных «резервационных» ирокезов, имеется немало индейцев, которые ушли из резерваций и растворились в окружающем их «белом» населении, частью найдя себе применение как сельскохозяйственные рабочие, частью перебравшись на заработки в города. Живущие среди американского, англо-канадского и франко-канадского сельского и городского населения отдельные ирокезы и даже целые семьи не учитываются официальными переписями Канады и США как индейцы, а попадают в рубрику «прочих». Так, например, известно, что ирокезы племени сенека сейчас имеются почти в каждом штате США и во многих из крупнейших городов страны; их довольно много и в самом Нью-Йорке[6]. По данным Отдела социального обеспечения штата Нью-Йорк на 1936 г., не меньше тысячи человек индейцев сенека живет по городам и селениям[7] штата вне резерваций.

Современные ирокезы в очень малой степени являются ирокезами по происхождению, и «чистокровных» ирокезов, если они и есть, осталось очень и очень немного. Еще в XVII в. племена онейда и сенека на две трети состояли из усыновленных остатков побежденных племен ирокезской языковой группы; в XVIII в. все племена Союза поглотили немало европейцев, с тех пор смешение обеих рас не прекращалось. Таким образом, из 19 тысяч резервационных ирокезов многие имеют очень малый процент ирокезской крови.

* * *

Ирокезы изучены лучше многих других племен североамериканских индейцев. Ими заинтересовался еще католический миссионер Лафито (начало XVIII в.), давший первое, сравнительно полное, описание быта и культуры ирокезов.

Ими много занимался Л. Г. Морган (1818—1881), написавший большой труд «Лига ирокезов» (1851), который является первым научным описанием Союза ирокезов и первой этнографической монографией вообще.

Структура союза ирокезских племен легла в основу классической работы Моргана «Древнее общество» (1877); изучение рода, племени и союза племен ирокезов послужило отправным пунктом для гениальных обобщений Энгельса в его замечательной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Целый ряд этнографов продолжали работу по изучению ирокезов в XIX и XX вв.— Хьюит, Артур Паркер, Гольденвейзер, Уог, Фентон и др. Из них следует остановиться на первых двух, являющихся частично ирокезами по

---

[6] Arthur C. Parker. An analytical history of the Seneca Indians. Rochester, N. Y., 1926, стр. 154.

[7] «Social Welfare Bulletin», No. 1 a. 2, vol. 7, 1936.

происхождению. Хьюит (1859—1937) со стороны матери связан происхождением с племенем тускарора. Он получил образование, был газетным корреспондентом и заведующим вечерней школой для взрослых. Известная собирательница индейских мифов Эрминни Смит пригласила его в 1880 г. себе в помощь для полевой работы среди ирокезов в качестве секретаря; он работал при ней четыре года. После ее смерти (в 1886 г.) Хьюита привлекли в «Бюро американской этнологии» для продолжения ее работы, и с тех пор всю дальнейшую жизнь, в течение 51 года, он работал в этом учреждении. Хьюит хорошо изучил диалекты всех шести ирокезских племен, свободно говорил на наречиях онондагов и могавков и скоро стал неоспоримым авторитетом во всех вопросах, связанных с изучением ирокезов, особенно в области истории Союза и социального строя. Его перу принадлежит 36 печатных работ и более сотни статей в известном справочнике «Handbook of American Indians». Огромен архив, оставленный Хьюитом и ждущий своего опубликования,— около 6000 страниц рукописей по племенам Союза, 6000 страниц разных работ и 10 000 карточек по племени тускарора.

Рис. 3. Эли Самуил Паркер (1828—1895)

Артур Паркер, по отцу — ирокез сенека из резервации Каттараугус (род. в 1881 г.), получил специальное этнографическое образование, много работал как археолог, с 1906 г. являлся сотрудником музея штата Нью-Йорк, последние десятилетия был директором Рочестерского музея. При нем коллекции по археологии ирокезов уже к 1919 г. достигли 50 000 предметов; фактически он создал новый археологический музей, организовал новую экспозицию с живописными ирокезскими бытовыми группами; им написано около 50 работ по археологии, истории и этнографии ирокезов.

Высокообразованный человек, интересующийся своим народом и любящий его, Артур Паркер болезненно переживал дискриминацию и угнетенное положение основной индейской массы. Прочно стоя на позициях буржуазного мировоззрения, Артур Паркер, однако, стремился в пределах своих возможностей как-то помочь индейцам и облегчить их горькую участь. Так, он организовал в 1919 г. «День американского индейца», ежегодно отмечаемый с тех пор по всей Америке собраниями и докладами, посвященными индейцам; он основал «Общество американских индейцев» при университете штата Огайо, несколько лет был его секретарем-казначеем и председателем. Он был основателем и главным редактором «Ежеквартального журнала Общества американских индейцев» в Вашингтоне, впоследствии переименованного в «American Indian Magazine». Не приходится говорить, что все эти начинания очень мало пользы могли принести остаткам угнетенных и

измученных племен, но они много способствовали изучению американских индейцев.

Работы всех этих этнографов, частично опубликованные, освещают почти исключительно далекое прошлое ирокезов и почти все стремятся по отдельным жалким дошедшим до нас осколкам восстановить весь вдребезги разбитый сосуд давно исчезнувшей культуры. Занятые выцеживанием всяческой старины, эти исследователи обычно имели дело со стариками из так называемой «языческой» партии, хранящими в памяти религиозные обряды, фольклор, исторические предания, особенности социального строя и пр.[8]

При таком методе работы основная масса ирокезского населения оставалась, за редкими исключениями, вне поля зрения этнографов. Основные занятия, современный уклад жизни и экономика, материальная и духовная культура, быт и правовое положение, думы и чаяния современных ирокезов,— все это мало интересовало американских ученых. Нет ни одной работы, посвященной этим вопросам. Исключение составляет лишь материал по современному состоянию религиозного культа — моления, обряды и пляски на календарных празднествах ирокезов; им посвящено порядочное число работ.

Представление о современных ирокезах и их жизни приходится составлять по отдельным сообщениям, беглым заметкам, предисловиям к историческим изысканиям, кратким отчетам о поездках в ирокезские районы и т. п. и на основании крайне скудных сведений официальных органов США и Канады, ведающих индейцами; некоторую помощь оказывает современный иллюстративный материал, встречающийся в работах о старом быте.

* * *

Что же представляют собой современные ирокезы? Какое место занимают они в жизни современной Америки? Мы уже видели, что вся «индейская политика» США сводилась в основном к одному: к земельному ограблению индейцев. С этой целью их заставляли путем насильственных «договоров» уступать свои земли и отходить дальше на запад; с этой целью их селили в резервациях, оставляя за ними до поры до времени небольшие участки малопригодной земли, а потом выгоняли и из этих резерваций.

Многие резервации, кроме этого, так сказать, «законного» обезземеливания, очень пострадали от разных мошеннических проделок с принадлежащей им землей; путем подкупов и спаивания вождей, использования подставных лиц и незаконного получения от племени письменного согласия на продажу земли различные земельные компании и спекулянты неоднократно обогащались за счет индейцев, скупая за бесценок принадлежащие последним земли. Ярким примером этого является резервация Тонаванда, в многолетней и неравной борьбе с Огдэнской земельной компанией утерявшая $^{9}/_{10}$ своей земли[9], да и оставшейся $^{1}/_{10}$ они владеют в настоящее время потому, что в 1870-х гг.

[8] Один из таких информаторов, недавно умерший (в декабре 1943 г.) сын вождя, любил вспоминать, что за последние полвека его жизни он не помнит времени, чтобы в их доме не торчал кто-нибудь из этнографов: с ним и с его отцом работали Хьюит, Харрингтон, Сэпир, Уог, Гольденвейзер и др., с ним расшифровывал Фентон записи покойного Хьюита (см. A. A. Goldenweiser, The Death of Chief John A. Gibson, «American Anthropologist», 1912; W. N. Fenton, Simeon Gibson: Iroquois Informant, 1889—1943, «American Anthropologist», 1944).

[9] Еще Л. Г. Морган в свое время, мобилизовав внимание широкой общественности к проделкам Огдэнской компании, добился аннулирования очередного «договора», представленного этой компанией с помощью подставных лиц в сенат США для ратификации. Это снискало ему огромную популярность среди ирокезов, и в знак благодарности он был усыновлен одним из родов племени сенека в Тонаванде (см. Л. Г. Морган, Древнее общество, 1934, прим. 1 на стр. 49).

им помог выкупить ее за свои деньги их соплеменник генерал Эли Паркер (брат деда Артура Паркера) [10].

Несмотря на это, из литературы известно, что еще в 1923 г. ирокезы сенека «жили под тенью иска против них в 200 000 долларов со стороны Огдэнской земельной компании». Как обстоит дело сейчас, мы не знаем; но, судя по жалобе ирокезов Генеральной Ассамблее ООН, спекуляция ирокезскими землями и отторжение их продолжаются.

Особенно гибельное действие на экономическое положение индейцев в резервациях оказал проведенный в 1887 г. «акт Дауэса», целью которого было массовое отобрание у индейских племен закрепленных за ними ранее резервационных земель, понадобившихся правительству для передачи их белым колонистам. Актом Дауэса было введено в резервациях индивидуальное землевладение. Этим законом был установлен определенный размер земельного надела на семью. За племенами были сохранены земли из расчета числа семей и размера надела, а все так называемые излишки правительство отбирало от индейцев и продавало белым переселенцам. Каждая индейская семья могла получить свой земельный надел в индивидуальное пользование, а через 25 лет в полную собственность. Но, получив земельные участки, очень многие индейцы не могли использовать их для земледелия: отсутствие земледельческих орудий, рабочего скота, семян, невозможность получения кредита для приобретения всего необходимого, а у многих охотничьих племен и незнание земледельческого хозяйства, неимение соответствующих навыков при отсутствии инструкторов,— все это заставляло многих индейцев сдавать участки в аренду за наличные деньги белым фермерам, а по вступлении во владение — продавать их им же; во многих резервациях в результате массовой продажи участков получилось так называемое шахматное распределение земель индейцев и белых фермеров, перемежающихся друг с другом.

Вследствие раздела имущества между многими наследниками арендная плата за участок делится между несколькими десятками человек, и доли их иной раз настолько малы, что им приходится ждать месяцами, пока доход, накопившийся от сдачи земли, поднимется до одного цента. Получается своеобразное ограбление индейских владельцев земли, прикрытое договором об аренде.

В некоторых случаях земельное ограбление было проведено в форме купли земли индейских племен государством. В этом случае ежегодная рента уплачивается в виде процентов с договоренной суммы. У ирокезов размер этой ренты варьирует в отдельных резервациях от 1,35 до 68 долларов на человека в год (по официальным данным 1936 г.). Иногда, согласно старинным договорам, уплата ренты производится натурой. Так, например, индейцы онондага за уступленные

---

[10] Эли Паркер (1828—1895), образованный ирокез из племени сенека, в ранней юности друг и помощник Моргана, его проводник и переводчик во время исследовательской работы среди ирокезов, с 24 лет — родовой старейшина племени сенека, «последний великий сахем ирокезов», носивший это звание до самой смерти. Талантливый инженер, во время войны между Севером и Югом (1861—1865) он был привлечен в армию северян сначала в качестве военного инженера (в чине капитана), вскоре был переведен в штаб главнокомандующего войсками северян генерала Гранта и впоследствии сделан его личным секретарем; за свои военные заслуги он получил чин полковника, затем генерала. Рукой Эли Паркера был написан акт о капитуляции главнокомандующего южан генерала Ли, происшедшей 9 апреля 1865 г. и закончившей междоусобную войну в Северной Америке. Память его свято чтится ирокезами, а воспоминания современников-американцев рисуют его как умного и обаятельного человека, высоко одаренного инженера и военного; он пользовался огромным уважением и авторитетом среди всех знавших его, в том числе и в тогдашних правительственных и военных кругах США. Жизнь и деятельность Эли Паркера на широком историческом, бытовом и этнографическом фоне дана в работе: Arthur C. Parker, The life of General Ely S. Parker. Last grand sachem of the Iroquois and General Grant's military secretary. Buffalo, 1919.

ими ценные соленосные земли получают ежегодно от штата Нью-Йорк через правительственных агентов 100 бушелей ($3^1/_2$ т) соли, что в 1940 г. составляло около 5 кг на каждого индейца резервации; одна из резерваций получает ежегодно определенное количество сукна. Если небольшое количество соли или ткани, приходящееся на одного человека, в конце XVIII в. при натуральном хозяйстве индейцев представляло известную ценность, то в наши дни это превратилось буквально в гроши.

В то же время эта система ренты дает повод считать индейцев хотя и мелкими, но все же рантье, живущими на доходы со своих бывших земель, а американское правительство имеет возможность говорить, что земли у индейцев не отняты даром, а за них по договорам выплачивается ежегодная рента.

Наряду с внедрением в пределы резерваций белых фермеров, занимающих большую часть резервационных земель, здесь создалась небольшая прослойка зажиточных фермеров-ирокезов, ничем почти не отличающаяся от других фермеров-кулаков, пользующаяся наемным трудом, т. е. эксплуатирующая своих безземельных соплеменников.

Основная масса ирокезов в резервациях ведет жизнь мелких фермеров; как правило, их жизненный уровень значительно ниже уровня окружающих их белых фермеров-бедняков.

Основным их занятием остается земледелие, молочное скотоводство и кое-где разведение домашней птицы. Где возможно, занимаются рыболовством. Но так как все это не может прокормить их, то во многих резервациях развиты подсобные «индейские» промыслы: плетение корзин, изготовление лыж и ракеток для игры в мяч, бисерные изделия. Летом эти «индейские» изделия продаются приезжающим туристам: так, в парке около Ниагарского водопада всегда можно встретить индианок тускарора, предлагающих туристам бисерные цепочки, вышитые бисером бумажники, куколок в псевдоиндейских костюмах и прочие сувениры. Многие мужчины уходят на сезонные заработки на консервные заводы, фабрики, склады и мастерские.

Отсутствие прочной хозяйственной базы, случайность заработков нередко влекут за собой уход из резерваций, зачастую кончающийся пополнением рядов армии безработных. За годы второй мировой войны в связи с большим спросом на рабочие руки усилилось бегство из резерваций — для работы на военных заводах, железных дорогах, для службы в армии. Послевоенная безработица, тяжело отразившаяся на положении рабочего класса США, неизбежно ударила и по индейцам, резко ухудшив их и без того бедственное положение.

Трагедия американского фермерства, потрясающая нас своей безисходностью, относится к индейцам еще в большей степени, чем к фермерам-американцам или канадцам. Не имея ни усовершенствованных земледельческих орудий, ни рабочего скота, ни денег на их приобретение, мелкие фермеры-индейцы еще меньше могут конкурировать с капиталистическим хозяйством крупных фермеров, чем их белые собратья по классу. Разоряясь, индейцы продают свои участки, покидают резервации и переходят в ряды безземельных сельскохозяйственных рабочих или даже люмпен-пролетариата, скитающегося по дорогам Америки в поисках любой работы, ночующего, где попало, ведущего жалкий полунищенский образ жизни.

Быт ирокезов-фермеров сильно американизирован: они живут в домиках стандартного типа, одеваются, как американские и канадские фермеры, усвоили основные приемы и технику сельского хозяйства европейских колонистов и на первый взгляд внешне мало чем отличаются от соседних белых фермеров, тех, кто победнее [11].

[11] Особенно «американизировалось» и пауперизировалось население тех резерваций, где оно еще задолго до закона 1887 г. перешло на индивидуальное землевла-

Поверхностный наблюдатель или человек, не очень знакомый с индейцами, может пройти десятки километров мимо фермерских домиков современных ирокезов, может встретить многих потомков Союза шести племен и даже разговаривать с ними, не подозревая, что он видел индейцев или проходил через их страну. В резервации Каттараугус любят передавать шутку о «белом» шофере, который, проезжая через резервацию, остановил индейца и спросил: «Скажите, как я могу попасть в Ирвинг, не проезжая через резервацию? Я боюсь индейцев».

Такой же случай рассказывает Н. Васильев, советский гражданин, пробывший в Соединенных Штатах с 1944 по 1947 г. Разыскивая «Индейскую резервацию» близ Ниагарского водопада (кстати, считающуюся у американцев наиболее «преуспевающей»), он долго ездил на машине мимо «весьма убогих фермерских домиков», прежде чем узнал, что это и есть резервация. Быт ее обитателей поразил его своей нищетой: «Мы идем по резервации, с разрешения хозяев, заходя в некоторые избы. В сущности, это даже не избы, а жалкие хижины. Вот, например, жилище пожилого индейца. В комнате нет почти никакой мебели и кухонной утвари. Повсюду отчаянная грязь. Кроме родителей в хижине четверо ребятишек,— четыре болезненных полуголых существа, выставляющих напоказ свои худенькие тельца.

Глава семьи раньше был фермером, но не выдержал конкуренции своих американских коллег и разорился. Теперь он рабочий одного из заводов в Найагара фоллс. На свою зарплату он не может удовлетворить даже минимальных потребностей семьи, которая вынуждена вести полуголодное существование.

Вот семья другого индейца, еще продолжающего заниматься земледелием. Ее материальное положение ничуть не лучше. Такую же картину бедствия, болезней и нищеты мы видим повсюду. Почти на всех домах лежит отпечаток крайнего запустения. Хозяйственная утварь валяется неприбранной. Отощавший скот стоит, как правило, не в хлеву, а на привязи у изгородей».

Н. Васильев совершенно правильно объясняет, «почему индейские хозяйства пришли в такой катастрофический упадок». Это было неизбежным результатом всей индейской политики правительства США. «Навязывая индейцам новые для них хозяйственные формы, т. е. переводя их на оседлый образ жизни, государство не оказывало им никакой помощи. Не оперившиеся еще фермеры-индейцы сразу же сталкивались со свирепой конкуренцией и попадали в лапы к агентуре торговых монополий. В результате их хозяйства разорялись и погибали. Можно не сомневаться, что именно это и входило в расчеты американских колонизаторов».

«Немногим лучше,— пишет Васильев,— выглядит изба вождя одного из находящихся в резервации племен: и тут нищета выглядывает из каждого угла. Мы застаем престарелого вождя за трапезой, судя по всему — чрезвычайно скромной... Вождь племени носит национальный костюм местной работы, но без живописного головного убора из перьев. Он не знает английского языка, и мы беседуем с ним с помощью проводника. Разговор, естественно, вращается вокруг незавидного положения индейцев в резервации, к тому же ухудшающегося из года в год. Болезни, причиною которых являются хронические недоедания и грязь,— настоящий бич индейцев. За время войны многие разъехались по разным городам в поисках работы и куска хлеба. Они уже больше не вернутся сюда».

Только один дом в резервации оказался, как сообщает т. Васильев, похожим на настоящий дом с культурной и даже комфортабельной обстановкой. Это был дом агента земельных компаний, скупающих у

дение, как, например, бо́льшая часть племени онейда, поселившаяся в резервации в штате Висконсин в 1842 г.

индейцев их земли,— он же представитель монопольной нефтяной фирмы [12].

С конца 20-х гг. нашего века среди прогрессивных кругов Америки начинается широкое общественное движение в пользу пересмотра «индейской политики». Создаются различные организации по улучшению быта индейцев, неоднократно проводятся обследования экономических и бытовых условий жизни в резервациях. Несомненно, что известную роль в этом сыграли успехи ленинско-сталинской национальной политики в СССР, как это явствует из отдельных высказываний в американской печати. Обследования выявили безотрадную картину нищеты, деградации и отчаяния опекаемых, произвол и коррупцию опекающих. «Американский образ жизни» предстал здесь во всей своей безобразной наготе. Любая сторона быта индейцев поражала обследователей своей неприглядностью. Выяснилось, что около 100 000 индейцев, иначе говоря около трети общего их числа, не имеют постоянного жилища и живут у друзей, одноплеменников, родственников или ютятся, где попало — это большей частью те, кто продал свои участки.

Из обследованных жилищ более или менее удовлетворительным оказалось лишь около 29% жилых построек; около 40% требовало очень серьезного ремонта, причем многие из них дешевле было бы отстроить заново, чем пытаться ремонтировать, в таком они жалком состоянии. Остальные (свыше 30%) трудно считать человеческими жилищами, это либо землянки, либо хибарки, представляющие нагромождение пустых ящиков, досок, толя, брезента, соломы—прямо на земле, иногда совсем без печей, иногда с железными времянками. Часто эти хибарки лишены самой необходимой обстановки, даже постели, не говоря уже о мебели; иногда почти полностью отсутствует какая бы то ни было утварь и кухонная посуда; нередко все имущество семьи можно увезти на одной тачке. Не лучше обстоит дело и с одеждой — она имеется у 68% индейцев, а остальные 32% индейского населения ходят в лохмотьях. О стирке одежды и белья часто имеется очень смутное представление, и население живет в страшной грязи, что способствует устойчивости таких социальных болезней, как трахома, которой поражены целые племена (например, у индейцев навахо до 30% населения).

Что касается живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, то из обследованных 32 939 индейских семей, владеющих землей и ведущих фермерское хозяйство, 57% хозяйств оказались безлошадными, 67% не имели плугов, у 76% не было борон, и т. д.; только у 25% были коровы, у 2% — овцы и у 1% — козы.

После опубликования результатов обследования под давлением общественности в американском сенате и правительстве началась борьба вокруг индейского вопроса. В результате в 1934 г. появился компромиссный закон о преобразовании быта индейцев «The Indian Legislative Reorganization Act», известный также под названием акта Уйлер-Говарда («Wheeler-Howard Act»). Этот закон запрещает разделение земли племени на индивидуальные участки, аннулируя, таким образом, закон 1887 г. и прекращая дальнейшую утечку индейских земель и переход их в руки белых. Далее закон считает необходимым предоставление кредита индейцам при условии объединения их в корпорации, и, наконец, закон выделяет ежегодный фонд в 250 000 долларов на стипендии для индейской молодежи, поступающей в различные учебные заведения, высшие и специальные.

Акт Уйлер-Говарда, шедший как будто бы навстречу индейцам, суливший им экономические выгоды и возможность самоуправления, возбудил большие надежды среди индейского населения. Первым из индейских племен Оклахомы, организовавшимся по этому закону, была

[12] Н. Васильев, Америка с черного хода, 1949, стр. 235—237.

группа сенека, живущая в северо-восточном углу штата. Закон предлагал индейцам организоваться любым способом, который соответствует их намерениям: как племя, или как группа, как производственное или потребительское кооперативное общество, или как кредитное объединение; закон обещал им, что, когда индейцы возьмут таким образом инициативу самопомощи, Управление по делам индейцев придет им на помощь кредитами, покупкой нужных земель, оборудования и пр. И сенека, у которых никогда не умирало чувство племенного самосознания, которые помнили конституцию Союза шести наций и продолжали выбирать вождей и совет, хотя и фиктивных, сразу же ухватились за эту многообещающую программу. Был выделен Деловой комитет, который быстро составил проект конституции; в основу ее легла старинная конституция ирокезов, комитет согласовал его с администрацией ведающего этой частью Оклахомы агентства; далее проект был отправлен в Вашингтон, где был изучен и одобрен в Управлении по делам индейцев, после чего представлен министру внутренних дел; после утверждения министром конституция вернулась к сенека, и на общем собрании племени все собравшиеся единогласно голосовали за нее. Вслед за сенека от одного племени за другим начали поступать из западных резерваций аналогичные документы в Управление по делам индейцев.

Принятие этих конституций было восторженно встречено индейцами. Эта реформа «открыла нам возможность нашей социальной и экономической реабилитации»,— констатировала резолюция, вынесенная племенем онейда в Висконсине летом 1937 г.; этот закон — «неожиданное счастье», он означает «новый день для американских индейцев»,— говорилось там же.

Но очень скоро индейцы поняли действительную сущность этого закона. «Мы нашли в этом законе не самоуправление, а только изоляцию моего бедного народа и лишение его прав, гарантированных 14-й поправкой к Конституции»,— заявил индейский делегат, посланный протестовать против правительственных мер последних лет [13].

Очень скоро стало ясно, что этот закон совсем не имеет в виду интересов индейцев. Правительство США, принимая его, имело целью, во-первых, оживить отмирающую племенную организацию (вождям дали видимость власти и некоторые привилегии без настоящего самоуправления) и, во-вторых, укрепить расовую изоляцию индейцев, удержать их в резервациях и изолировать от остального населения Америки. Это было по существу усиление прежней дискриминационной политики.

Прошло больше десяти лет со времени торжественного принятия пресловутых конституций, но ничто не улучшилось в положении групп и племен, принявших эти многообещавшие документы.

Хотя в основном быт ирокезов и американизирован, тем не менее во всех областях жизни множество мелочей еще хранит в себе этнические особенности этого небольшого индейского народа. И объясняется это не просто приверженностью к старине, как пытаются убедить своих читателей американские буржуазные этнографы, а нищетой и придавленностью, отсутствием средств для приобретения промышленных изделий.

Ирокезы — древний земледельческий народ, и больше всего остатков старины из области материальной культуры сохраняется в их земледелии. Хотя они и знают современную сельскохозяйственную технику, все еще не забыта деревянная палка-копалка лопатообразной формы, с вырезкой для ноги, когда-то вместе с мотыгой составлявшая единственное орудие обработки земли. При посеве употребляют корзину-севалку

---

[13] И. А. Золотаревская, Современное положение индейцев США, «Краткие сообщения Института этнографии», VII, 1949.

с двумя отделениями — для семян кукурузы и для бобов, которые с незапамятных времен ирокезы сажают вместе, в одном ряду. Для сбора кукурузы служат большие квадратные заплечные корзины, носимые с помощью налобной лямки, плотно сплетенной из липового лыка; они издавна составляли необходимую принадлежность женщины в пору уборки урожая. Способы хранения и обработки кукурузы до сих пор в значительной степени применяются еще старинные, выработанные за-

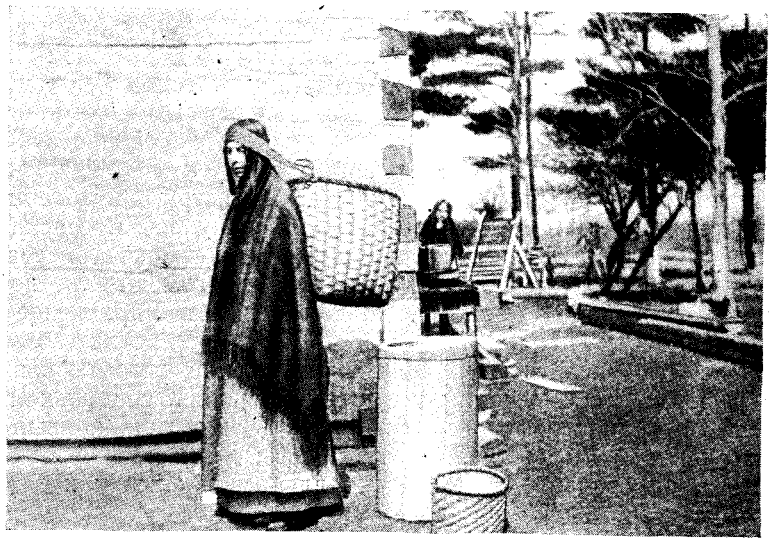

Рис. 4. Способ переноски тяжестей. Резервация Шести наций в Канаде (провинция Онтарио)

долго до прихода европейцев: так, наряду с досчатыми и бревенчатыми амбарчиками на сваях, сменившими древние ямы для хранения зерна, широко распространено хранение кукурузы в домах в виде развешенных по стенам гирлянд-кос; для этого при помощи костяного кочедыка отгибают вниз початковые листья и сплетают початки вместе наподобие длинных кос [14]. По мере надобности вылущивают зерна из початков, кипятят их в щелоке и затем для удаления щелухи промывают в специальных корзинах, сплетенных редко, наподобие решета. Отмытое от шелухи зерно толкут пестами в деревянной ступе; растолченную кукурузу просеивают через самодельные же решета и сита, сплетаемые из лучинок.

Для приготовления и потребления пищи служит всевозможная самодельная деревянная утварь, резная и долбленая, сильно напоминающая старинные восточнославянские формы. Для хранения продуктов и временного использования широко применяется древесная кора, как у народностей лесной полосы СССР.

Распространены всевозможные корзины из лучинок, из прутьев, из листьев от кукурузных початков; последние особенно характерны для старого ирокезского быта. Очень разнообразны приспособления для ношения груза за спиной — например, ношение ребенка женщиной, приспособление для носки охотничьей добычи, напоминающее севернорусские крошни.

[14] Применяемый американскими фермерами способ сплетания кукурузных початков в косы и употребление при этом деревянного кочедыка, подражающего костяному индейскому, заимствованы белыми поселенцами у индейцев.

В широком употреблении еще типичный для алгонкинов и ирокезов тобогган (алгонкинское слово, означающее — волокуша), т. е. ручные санки в виде широкого полоза из нескольких деревянных планок. В рыбной ловле не забыто еще битье рыбы с берега двузубой острогой. Помнят еще в ирокезских селениях добывание огня с помощью деревянного сверла с лучком, и хотя по всем резервациям давно уже пользуются спичками и зажигалками, но при отсутствии их чуть ли не каждый ирокез умеет добыть огонь трением.

Рис. 5. Толчение кукурузных зерен в ступе. Резервация Шести наций

Столетия возделывания нескольких видов кукурузы оказали свое влияние на разнообразие кушаний, приготовляемых ирокезами из этого злака. Известно до 40 рецептов приготовления кукурузных блюд, преимущественно типа похлебок и жидких каш, в различной комбинации с бобами, тыквой и другими растительными продуктами, не говоря уже о сдабривании их различным мясом или рыбой. Некоторые из этих кушаний являются общими со столом алгонкинских племен, многие вошли в ежедневный обиход современных американцев и канадских французов. Особенно любимыми из этих заимствованных у коренного населения блюд являются так называемые «хомини» — каша из кукурузной муки и «суккоташ» — похлебка из кукурузных зерен и бобов, заправленная мясом (оба термина — алгонкинские). Вообще способы приготовления пищи ирокезами сохраняют, пожалуй, больше особенностей, унаследованных от предков, чем любая другая область материальной культуры [15].

Ирокезы носят одежду совершенно городского типа — мужчины предпочитают для работы комбинезон в сочетании с рубашкой; девушки и молодые женщины носят широкие длинные платья, иногда с тяжелой темной юбкой, видной из-под более короткого платья; женщины постарше — кофты и юбки, доходящие почти до полу: покрой женской одежды повторяет одежду европейских колонисток, носившуюся последними много десятилетий назад. Обращает на себя внимание прическа той части

[15] См.: F. W. Waugh, Iroquois Foods and Food Preparation. Canada. Department of mines. Ottawa, 1916.

населения, которая придерживается еще старых обычаев: мужчины носят длинные волосы, которые им приходится заплетать во время работы, чтобы они не мешали; девушки носят волосы распущенными, а женщины заплетают их в две или в одну косу, независимо от возраста. Бо́льшая часть современых ирокезов одета очень бедно, так как покупатель-

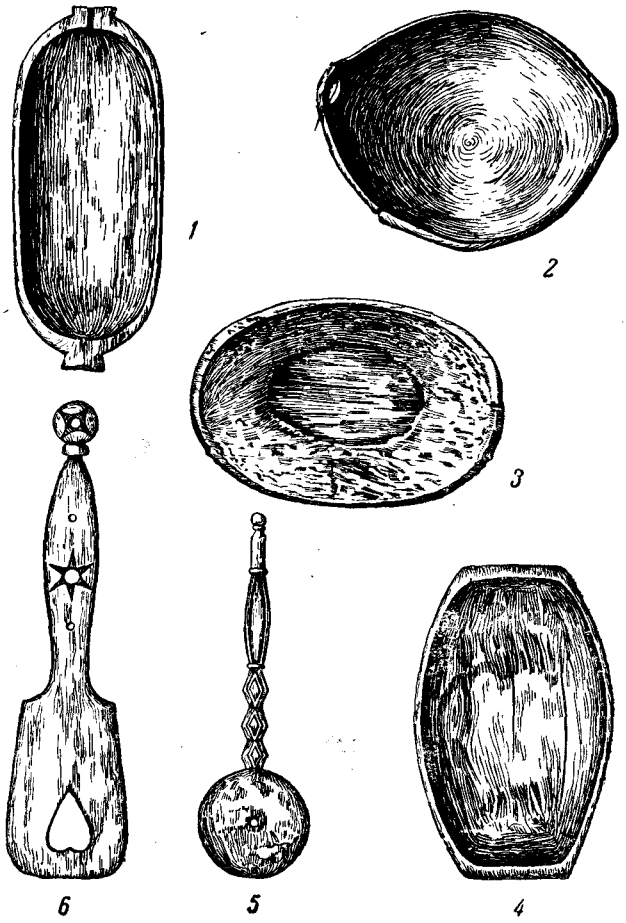

Рис. 6. Деревянная утварь: *1, 3, 4* — корытца, *2* — чашка для приготовления хлеба и других хозяйственных надобностей; *5* — лопаточка для поворачивания хлебцев во время стряпни; *6* — весёлка для размешивания кленового сока при его выпаривании (по густоте сиропа, проходящего через отверстие, определяют, достиг ли он степени засахаривания)

ная способность населения резерваций крайне низкая и новая одежда приобретается редко.

Ирокезские искусства и ремесла почти совершенно забыты и вытеснены изготовлением для туристов мелких сувениров, украшенных в ложноиндейском стиле — вроде портсигаров, пепельниц, куколок, миниатюрных моделей индейских предметов (крошечные мокассины, люльки, санитобогган и др.) и всяких других безделушек. В 1930-х гг. была сделана попытка возродить прежнее искусство ирокезского народа. По инициативе Артура Паркера и разработанному им плану Рочестерский музей

(директором которого он являлся) организовал в резервациях Тонаванда и Каттараугус мастерские, в которые музейные работники стали привлекать желающих работать в них индейцев. Музей предоставил в качестве образцов прекрасные ирокезские изделия из своих богатейших коллекций, начало которым было положено еще Морганом, а также материал для их изготовления (дерево, сукно, бисер, металл и пр.) и необходимые инструменты. Сначала индейцы очень стеснялись, потому что привыкли слышать от миссионеров, что их прежняя культура являлась грубой, варварской, что они должны стыдиться ее и забыть о ней и во всем подражать белым; но вскоре ободренные всеобщим восхищением тем, что

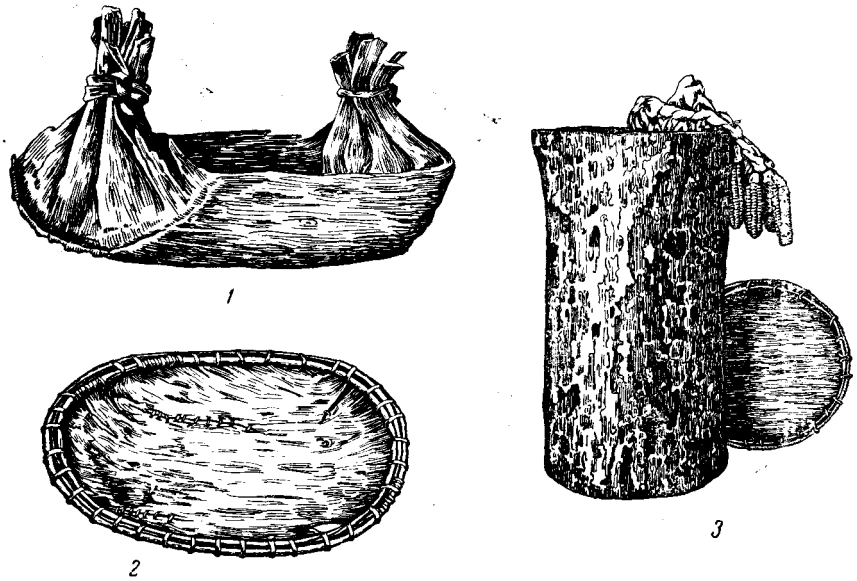

Рис. 7. Утварь из древесной коры: *1* — корытце из коры вяза для кленового сока (длина 46 см); *2* — поднос из коры вяза для хлеба; *3* — сосуд из коры для хранения кукурузы (высота 79 см)

выходило из их рук, они начали работать все с бо́льшим и бо́льшим увлечением; музейные работники подогревали этот энтузиазм, показывая в Тонаванде лучшие образцы сделанного в Каттараугусе и, наоборот, вызывая соревнование между резервациями. Среди индейцев нашлись один-два, которые помнили, как вышивать лосиным волосом и иглами дикобраза; выделилось несколько одаренных человек, которые дали целую серию рисунков и картин пером и кистью (чернилами, акварелью и маслом) на темы: обрядовая жизнь и обычаи ирокезского народа Нью-Йорка, что представляет большую этнографическую ценность. Паркер с большим удовлетворением описывает, что́ получил музей от всего этого предприятия: «Сотни прекрасных серебряных фибул и браслетов сверкают в наших витринах; наши фонды ломятся от корзин, резных чаш и веселок с резными ручками старого ирокезского рисунка; наши шкафы набиты прекрасными вышитыми костюмами и узорчатыми бисерными изделиями; наш этнологический зал приобрел коллекцию из более чем сотни резных масок и многочисленных обрядовых предметов, флейт, погремушек, барабанов и бирок...» [16] Была организована широ-

[16] A. Parker, A Museum Sponsors an Indian Arts Project, «Social Welfare Bulletin», № 1 a. 2, vol. 7, 1936.

кая продажа изделий ирокезских мастеров, и многие из них ходили на ярмарку штата в Сиракузах, чтобы полюбоваться на работу своих рук, вывешенную в индейских павильонах; приезжали в Рочестер потолкаться в выставочных залах музея и послушать замечания посетителей насчет ирокезских коллекций; с восторгом смотрели на стены лекционного зала в Рочестере, увешанные теми же предметами.

Эта либеральная затея не могла, конечно, улучшить положение индейцев, но она, как признает Паркер, подняла дух подавленного и угнетенного племени, встряхнула их и в какой-то степени вывела из состояния тупого отчаяния и сознания обреченности и безвыходности положения, которое столь характерно для многих групп индейского населения Северной Америки.

Из сокровищницы старой ирокезской культуры удержался еще результат многовекового опыта — старинная народная медицина, отличающаяся поразительным знанием лечебных свойств различных растений (эта же черта культуры характерна и для соседей ирокезов — алгонкинских племен). Целебную силу индейских снадобий узнали уже первые попавшие в страну европейцы — французские моряки, пытавшиеся основаться в Новой Франции, как они назвали страну по берегам р. св. Лаврентия. В первую же зиму (1535/36 г.) среди них началась цынга; из 110 человек зимовавших 25 умерло, остальные выжили благодаря тому, что их вылечили ирокезские знахари лекарством, приготовленным из древесных почек и коры. И не только сами ирокезы лечатся у своих знахарей, но до сих пор бывают случаи, когда «белые» пациенты, отчаявшись получить облегчение у своего врача, обращаются за помощью к индейским лекарям. Из растений, употребляемых ирокезскими и алгонкинскими лекарями, до 70 признаются научной медициной и входят в фармакопею США.

Интересную страничку на тему о народной медицине ирокезов мы находим в упоминавшейся выше книге Н. Васильева «Америка с черного хода». При посещении резервации Тускарора у Ниагарского водопада ему посчастливилось встретить образованного ирокеза. «Вдумчивость суждений, хорошее знание истории своего народа и свободная английская речь выдают в нашем проводнике интеллигентного человека. Мы не торопимся задавать ему вопросы о его профессии и образовании, все разъясняется само собой, когда, по его приглашению, мы входим в занимаемую им бревенчатую избу.

В избе всего две комнатки. Одна из них завалена травами и кореньями, лежащими на полу, на столе, на полках. Их раскладывает старая женщина, которую индеец представляет нам как свою мать. Судя по всему, эти травы и коренья имеют какое-то отношение к профессии хозяина дома. Предупреждая наш вопрос, он объясняет:

— Видите ли, я лекарь. Мой отец и дед также были лекарями. Это у нас родовая профессия. Мать помогает мне, она приготовляет лекарства из растений. У меня есть и специальное образование, я его получил в университете».

Получив диплом врача, собеседник автора не остался в городе, а вернулся в резервацию.

В городе никто не стал бы лечиться у врача-индейца. Хотя было время, когда индейская медицина была в большом почете, а «индейский доктор» был единственным представителем лекарской профессии среди белых поселенцев.

Сейчас он практикует на индейский манер, хотя и понимает преимущество современной медицины перед индейской. Но для того чтобы практиковать на современный лад, нужны большие затраты.

— «Я не смог достать средства даже для крохотной амбулатории,— говорит он сокрушенно.— Муниципалитет Найагара фоллс отмахивается от нас, так как резервация находится под федеральным, а не под мест-

ным контролем [17]. Частного кредита ни от кого не получишь. Нам нечего дать в обеспечение кредита» [18].

Приведенный отрывок ярко свидетельствует о причине устойчивости народной медицины у индейских племен.

Тем не менее положение здравоохранения среди ирокезов считается еще наиболее благополучным среди индейских резерваций Канады и США. Более высокий уровень жизни, чем в резервациях Запада, обусловливает и лучшие санитарные условия, что сказывается в отсутствии среди ирокезов трахомы, этого бича западных резерваций, и в меньшей заболеваемости туберкулезом: всего (!) 10% ирокезов поражено им (смертность от туберкулеза у индейцев вообще в 3—4 раза больше, чем у американцев). Лучше обстоит среди ирокезов дело и с народным образованием: как в Канаде, так и в Нью-Йорке сравнительно большое число начальных школ и относительно низкий процент неграмотных — в нью-йоркских резервациях не выше 5%, тогда как у индейцев навахо, например, до 40% детей не посещают школы. Однако школы плохо оборудованы и квалификация педагогов низкая. Есть школы с интернатами, ими ведают миссионеры; они, конечно, занимаются больше всего «религиозным воспитанием» индейских детей, приучением к регулярному посещению церковных служб и выработкой покорности белым. Особенно плохо с образованием обстоит дело среди ирокезов онейда, живущих в Висконсине: здесь школ гораздо меньше и из-за дальности расстояния (8—10 км) посещаемость школ очень нерегулярна. Нам неизвестно, какой процент детей не охвачен школой у ирокезов в настоящее время. Но несомненно, что резкое ухудшение условий жизни «среднего американца» и «низших классов» за послевоенные годы и связанные с этим сокращение числа школ и сильное понижение посещаемости детьми существующих школ (что нам известно из периодической печати Канады и США) не могут не относиться и к ирокезам.

Уже около 250 лет ведется миссионерская «работа» среди народа Длинного дома. Первые миссии были франко-католические, но с началом англо-французской войны (в 1755 г.) они перебрались в Канаду, и в настоящее время католики среди ирокезов сосредоточены преимущественно в Канаде, а в США они имеются только среди могавков резервации Сент-Регис, да и те ходят в церковь на канадскую сторону. Странствующие протестантские проповедники появились на ирокезских территориях с начала XVIII в., но постоянные протестантские миссии начали основываться лишь в конце XVIII в., т. е. когда ирокезы, после разгрома их Союза американской карательной экспедицией, были загнаны в резервации и большая часть их ушла в Канаду. Миссионеры всех мастей — пресвитериане, баптисты, методисты, проповедники епископальной церкви и других церковных конгрегаций в течение полутораста лет прилагали немало усилий, чтобы уловить «языческие души» и обратить в христианство непокорных «язычников». Несмотря на это миссионерское рвение, до сих пор почти в каждой резервации на основных ирокезских территориях, т. е. в штате Нью-Йорк, существует так называемая «язы-

---

[17] Ирокезские резервации штата Нью-Йорк находятся в несколько ином положении по сравнению с другими индейскими резервациями США. Дело в том, что «Имперский штат» (Нью-Йорк) никогда не уступал федеральному правительству земель внутри своих пределов, поэтому действительное право на управление резервациями Нью-Йорка принадлежит не Вашингтону, а штату Нью-Йорк; в то же время резервации штата, как все индейские резервации США, продолжают оставаться под контролем Управления по делам индейцев, входящего в аппарат Федерального правительства. В результате ирокезские резервации штата Нью-Йорк очутились, так сказать, между двумя стульями, и даже те жалкие мероприятия по улучшению быта индейцев, которые проводит Управление по делам индейцев, согласно рузвельтовскому закону 1934 г. (The Indian Reorganization Act), проходят мимо них.

[18] Н. Васильев, Указ. соч., стр. 233—235.

ческая партия», бережно хранящая жалкие остатки былой культуры. Эта группа энергично борется со всем новым, стараясь сохранить старый уклад в наибольшей неприкосновенности, немало способствуя сохранению старых обычаев и традиций. Существующая наряду с ней так называемая «христианская партия» отражает в своих чаяниях влияние мелкобуржуазных группировок американского общества; отвергая старые предрассудки и сменяя их предрассудками мелкого американского фермера, эта группа быстро ассимилируется с окружающим белым населением. Численное соотношение обеих «партий» за последние десятилетия в главных резервациях Нью-Йорка выражалось в следующих цифрах:

№ п/п	Резервации штата Нью-Йорк	Общая численность ирокезов	Язычники	Христиане	Число христианских церквей
			%		
1	Тонаванда	600	20	80	3
2	Каттараугус	1700	20	80	5
3	Аллегани	900	30	70	4
4	Онондага	650	75	25	3
5	Тускарора	400	—	100	1

Всего по четырем резервациям Нью-Йорка за последние десятилетия еще около 1200 человек придерживались старой веры. По всем резервациям Канады и США в 1945 г. их насчитывалось до 2000 человек. Можно предположить, что причиной сохранения этого индейского староверчества являются факторы разного порядка. С одной стороны, это стремление сберечь свою старую культуру и хотя сколько-нибудь оградить свой народ от той нивелировки, которая быстрыми шагами идет в капиталистическом обществе США; это сопряжено у индейцев большей частью с презрением к тем теневым сторонам цивилизации, которыми она поворачивается к этим угнетенным племенам, с романтическим приукрашиванием прошлого и с любованием блестящей историей своих предков. С другой стороны, может быть не вредно будет провести аналогию со старообрядческими группами дореволюционной России: возможно, что для крепких хозяев (иначе говоря, зажиточных фермеров), несомненно задающих тон в этой религиозной организации, важно иметь около себя своих маломощных соплеменников, эксплуатируемых ими так же, как мы имели это в старообрядческих селениях России, да и не только в старообрядческих (вспомним фигуру кулака-мироеда, державшего в своих руках бедняков-односельчан).

Христианские соплеменники зовут их «язычниками», но они упорно называют себя «народом Длинного дома»; основание для сохранения этого древнего самоназвания то, что они отправляют свои религиозные обряды в специальных зданиях-молельнях, именуемых ими «длинными домами», в память общинных многосемейных домов, в которых жили ирокезы до разгрома их Союза.

Современный Длинный дом (он же и дом совета) — одноэтажное вытянутое деревянное здание, имеет обычно два входа: один для женщин — «восточная дверь», другой только для мужчин — «западная дверь»; внутри это одно помещение, но мужчины и женщины сидят отдельно, каждая группа ближе к своему входу, на деревянных скамьях, идущих вдоль стен; мужчины, кроме того, сидят верхом на скамьях, стоящих посреди помещения.

Около Длинного дома стоит небольшая отдельная избушка — поварня, или кухня, в которой висят большие котлы для приготовления традиционных кушаний ирокезов во время праздничной общественной

трапезы: мясной похлебки и суккоташа (succotash) — жидкой каши из кукурузы, бобов и иногда тыквы.

В длинных домах происходят все религиозные обряды, в них же собираются и советы племени; здесь до сих пор справляются шесть годовых празднеств ирокезов, ведущих свое начало с глубокой старины и впервые описанных Морганом: праздник Середины зимы или Нового года, Клена, Посева, Земляники, Зеленой кукурузы и Урожая. Из них два, а именно Клена и Земляники, связаны с собирательской деятельностью [19], остальные четыре обусловлены сельскохозяйственным годом с его

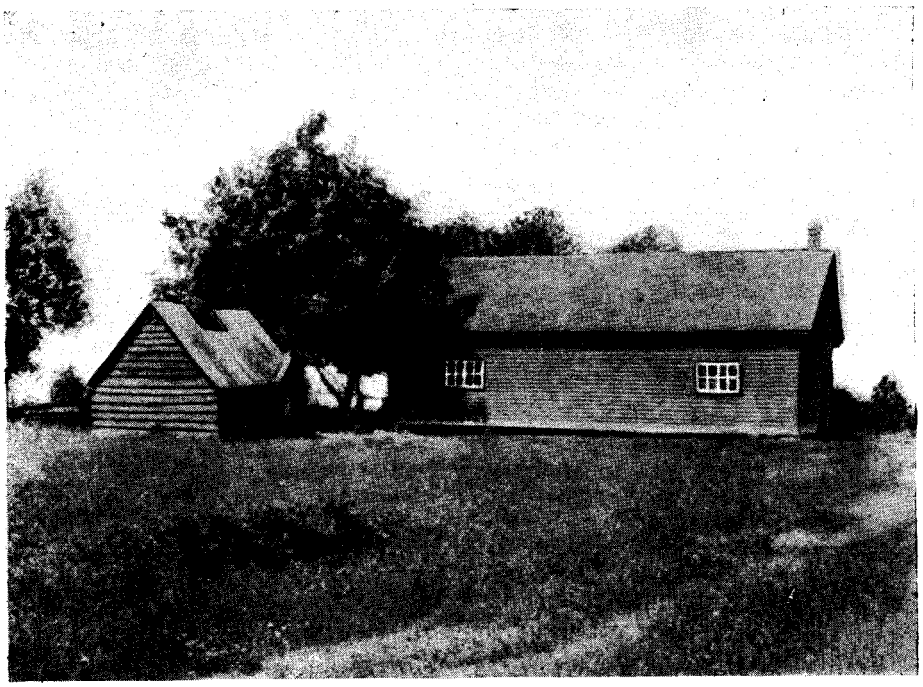

Рис. 8. Длинный дом племени сенека в резервации Шести наций; слева — старинное здание поварни для общественного приготовления пищи (в коньке крыши — четырехугольное отверстие для выхода дыма, как в древних ирокезских жилищах)

сменяющимися в постоянной последовательности полевыми работами: два празднества приходятся на весну и осень, т. е. на время посева и уборки урожая, одно на лето, когда кукуруза достигает молочной спелости и можно уже употреблять зерно в пищу; но особенно торжественно отмечается праздник Нового года, середины (перелома) зимы, праздник зимнего солнцеворота, попрежнему продолжающийся не меньше недели.

Этот праздник, по мнению верующих, способствующий урожаю предстоящего года, стоит в одном ряду с зимними праздниками солнцестояния, типичными для земледельческих народов Старого Света в умеренном поясе (начиная с народов античной древности и кончая восточными славянами) и отразившимися в культе и мифах всех земледельческих религий, не исключая христианства (Рождество Христово).

Устройство каждого праздника лежит на двух женщинах, по одной от каждой фратрии, и они уже выбирают оратора — распорядителя праздника. Каждому празднику предшествует сбор денег и продуктов для общественной трапезы — неотъемлемой части каждого празднества.

[19] С собиранием же связаны и встречающиеся в отдельных резервациях второстепенные празднества — пляски Ежевики, Малины и Черники.

В состав праздника входят выступления ораторов в Длинном доме, песни, пляски, варьирующие в отдельных празднествах; меняется и характер общественного угощения в зависимости от времени года.

Американская этнографическая литература за последние два десятилетия дает ряд описаний этих празднеств [20]; отдельные детали обрядов и плясок несут на себе отпечаток пережитков фратриальной и родовой организации.

Сравнение современных материалов с работами Моргана свидетельствует о том, что ритуал празднеств сильно изменился за прошедшее со времени этих работ столетие. В связи с разбросанностью ирокезских групп и изолированностью их друг от друга пути изменения и эволюции как обрядов, песнопений, плясок, так и определяющих их верований весьма разнообразны. Различные природные и хозяйственные условия отдельных резерваций вызвали отмирание одних праздников и появление других. Так, в резервации Аллегани давно уже не справляется празднество «Благодарение клену» и лишь отдельные старики сжигают табак, делая весной насечки на кленовых деревьях. Зато в канадских резервациях, где до сих пор еще распространена весенняя добыча в кленовых рощах сладкого сока, это один из любимых праздников, на котором ирокезские женщины отплясывают свой «Танец кленового сахара». Совершенно забытый у сенека праздник Черники заменился в Тонаванде праздником Бобов, заимствованным от нью-йоркских онондага, а среди канадских групп Длинного дома появился праздник Малины.

Вне обычного календаря, но не больше одного раза в лето, в период засух, справляется «громовый обряд». Жрец («хранитель веры») сжигает табак и просит солнце не палить посевы. Во время этого обряда исполняются «военная пляска» и пляска «удара палкой»; танцующие стучат об пол или стол и умоляют громовников, своих дедов, низвести дождь на поля.

Основными организаторами и участниками всех этих празднеств и обрядов являются «язычники», но почти всегда там присутствуют в качестве зрителей, а иногда и принимают участие многие из крещеных ирокезов, являющихся христианами лишь номинально. Духовенство ведет с этим энергичную борьбу, но часто так называемые христиане идут на эти празднества нарочно, из духа протеста против нажима со стороны церковников.

Старшим поколением ирокезов-«язычников» не забыт еще богатейший фольклор народа Длинного дома, хранятся еще в памяти разнообразнейшие мифы и исторические предания об основании Союза. Некоторое время назад, по инициативе группы вождей, составилось даже нечто вроде комиссии из вождей от всех шести племен и под их диктовку были записаны главнейшие предания и легенды, относящиеся к эпохе возникновения Союза; записанное было зачитано на совете шести племен и утверждено им; такова история одного из сборников основанной на преданиях «истории Шести наций».

Крупнейшим собранием ирокезского фольклора наука обязана уже упоминавшемуся Хьюиту, более полувека собиравшему материалы по народному творчеству ирокезов и напечатавшему два капитальных труда: «Ирокезская космология» (около 600 стр. — I часть 1903 г., II часть 1928 г.) и «Предания, легенды и мифы сенека» (около 800 стр., 1918 г.). Ценным дополнением к работам Хьюита является сборник «Легенды Длинного дома», вышедший незадолго до второй мировой войны. История его такова: лет пятнадцать назад американские этнографы обратили внимание на одного ирокеза племени сенека, живущего в резервации Тонаванда: их поразило замечательное

[20] См. работы W. N. Fenton. J. N. B. Hewitt, F. G. Speck и других исследователей.

знание им мифов и легенд своего народа и горячая любовь к этим сохранившимся от седой древности сказаниям. Это — Корнплантер (потомок знаменитого в свое время ирокезского вождя), очень одаренный от природы человек — художник, музыкант и талантливый рассказчик, к тому же прекрасно владеющий английским языком и письмом, член «языческой» группы резервации. По просьбе этнографов Корнплантер начал сам записывать на английском языке свои рассказы. В течение зимы 1936/37 г. он излагал древние легенды сенека в виде тематических писем на имя сдружившейся с ним собирательницы индейского фольклора. Эти письма составили отдельную книгу из 17 глав-писем, иллюстрированную рисунками пером Корнплантера, реконструирующими старый ирокезский быт [21].

Книга включает древние легенды о создании мира, о двух божественных братьях-близнецах — Добром и Злонамеренном, о крошечных карликах, охотящихся в лесу с крохотными луками и стрелами, о каменных великанах, раскалывающих утесы, о рогатой змее, о страшных летающих головах, о происхождении тайных обществ, о старинных брачных обрядах и много других мифов, легенд и преданий.

Этот фольклорный сборник написан хорошим выразительным языком, с известной долей наивности и, что особенно интересно, сопровождается замечаниями по поводу современной жизни в резервациях.

Огромно воспитательное значение этого фольклора — ряд его эпизодов в образной форме говорит о значении сплоченности для самого существования племени, о необходимости мира между народами, о преимуществах общей дружной работы и пр. (что отразил в своей поэме и Лонгфелло).

* * *

От прежнего социального строя, разумеется, не осталось камня на камне или, вернее, сохранились лишь отдельные обломки.

Однако до сих пор еще у всех племен, за исключением могавков, происхождение считается по материнской линии. Например, если мать внесена в списки племени сенека, а отец — белый, то дети вносятся в списки как индейцы сенека, имеют право на ежегодную ренту сенека и наследуют право на землю сенека. Если отец сенека, а мать — белая, то дети считаются белыми, не регистрируются как индейцы и не имеют права наследства на землю последних. Если член одного племени вступает в брак с членом другого племени, происхождение считается по матери, за исключением могавков, у которых счет родства ведется по отцу; поэтому, если женщина могавков выходит замуж за мужчину сенека, то дети их не признаются ни тем, ни другим племенем. Встречаются и другие пережитки материнского права.

До сих пор каждый ирокез знает свой род, и до сих пор соблюдается родовая экзогамия; в резервациях изредка встречаются случаи браков внутри рода, но лишь в том случае, если брачущаяся пара не боится встретиться с некоторым общественным осуждением (брак у некрещеных ирокезов до сих пор совершается по древнему обычаю). Но древняя «фратрия» — объединение нескольких родов — в этом отношении утратила свое значение: и если до начала XX в. среди старшего поколения резерваций замечалась слабая тенденция к избеганию браков между родами, образующими одну фратрию, то к нашему времени экзогамия фратрий исчезла почти полностью.

Но наряду с этим фратриальное деление ярко выступает в погребальном обряде, где сохраняется еще религиозная функция фратрии, впер-

[21] Jesse J. Cornplanter, Legends of the Longhouse. Illustrated by the author, 1938.

вые отмеченная Морганом (см. его описание погребения выдающихся членов племени) [22]: члены фратрии, включающей род умершего, и сейчас исполняют обязанности плакальщиков, а провести весь обряд погребения (обрядить тело, вырыть могилу и похоронить, произнести прощальное слово и устроить поминки) является обязанностью противоположной фратрии (по материалам, записанным в 1936 г. от ирокезов сенека в штате Нью-Йорк).

Наблюдается еще родовая взаимопомощь. Если, например, мужчина собирается строить дом он может созвать на помощь своих сородичей — матрилинейных потомков женщин, принадлежащих к тому же материнскому роду.

Для современных ирокезов штата Нью-Йорк характерен еще другой вид взаимопомощи, стоящий над родовыми организациями, особенно распространившийся за последние десятилетия. Это так называемые певческие общества взаимопомощи, которые собираются, чтобы помочь друг другу. Организации эти охватывают преимущественно средних и бедных фермеров, зажиточная прослойка в них, естественно, не нуждается. Должностными лицами такого общества являются вождь и помощник вождя, выбираемые поочередно от обеих фратрий, затем первый и второй барабанщики, выбираемые таким же образом, и вестник, к которому обращаются нуждающиеся в помощи. Во вновь организуемых обществах наименования должностных лиц европейские: председатель и секретарь, казначей и два посыльных; выбираются они на год.

Для вступления в общество взаимопомощи требуется рекомендация одного из членов; на ближайшем собрании кандидат баллотируется, а затем вновь принятый член заносится в книгу общества.

Этнографам приходилось наблюдать следующие виды работ этих обществ: вскапывание огорода, окучивание кукурузы, заготовка дров, возведение дома, покрытие дома. Обычно работают несколько часов и по выполнении работы хозяйка выносит угощение, например, котел горячей кукурузной похлебки, которую она разливает по чашам и разносит их с ложками всем участникам.

После угощения участники садятся в два ряда лицом друг к другу и начинают петь, причем барабанщик запевает под удары своего инструмента, а остальные отбивают такт, топая пятками о землю и ударяя погремушками из коровьего рога (в старину они делались из рогов бизона) о ладони левых рук, затем все подхватывают песню хором, все время отбивая такт пятками и погремушками; часто около поющих устраиваются подростки, сидя с руками, зажатыми меж колен, и заучивают песню, напевая ее тихонько про себя. Эти песни относятся к «Пляске женщин». По окончании пения встает вождь или его заместитель, благодарит всех, кто пришел помочь, и сообщает, если это известно, где, в какой день и когда они соберутся для следующей очередной работы. Иногда, если работа была непродолжительной, пение происходит до угощения.

Обычно общества состоят из мужчин, которые помогают женщинам; но в резервации Каттараугус есть и общество женщин, помогающее одиноким старым и больным женщинам, хоронящее умерших женщин. В резервации Аллегани членство в двух обществах взаимопомощи делится между двумя возрастными группами: молодыми мужчинами с их семьями и пожилыми мужчинами с их семьями.

Певческие общества взаимопомощи существуют везде, где имеется сильная «языческая» группа. Этот обычай разделяют и христиане, но они образуют аналогичные общества в рамках Ирокезского общества трезвости или среди членов своего клуба.

В некоторых резервациях сохраняется до сих пор некоторое подобие

[22] Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 57.

племенной организации и самоуправления, являющегося, конечно, совершеннейшей фикцией. Так, резервации Тонаванда, Онондага и Тускарора управляются вождями, каждый вождь представляет род и выбирается старейшей женщиной этого рода, после чего утверждается действующим советом вождей племени. Резервация Сент-Регис управляется вождями, выбираемыми голосованием всего народа. В резервациях же Аллегани и Каттараугус управление вождями было упразднено еще в 1848 г., а через 20 лет, в 1868 г., индейцы этих резерваций составили «конституцию», которая была утверждена властями штата Нью-Йорк; она имеет в виду выборы председателя, секретаря, казначея и членов совета; кроме того, штатом назначается постоянный местный мировой суд, который разбирает все тяжбы между индейцами, живущими в этих резервациях.

Во многих других резервациях остатки племенного самоуправления были ликвидированы в 1924 г., когда ирокезы, как и все другие индейцы США, получили «права гражданства» наравне со всем населением США. Действительная сущность американской буржуазной демократии хорошо известна. Для индейцев же эти «права гражданства» явились пустым звуком, прикрывшим фактическое отсутствие каких бы то ни было прав.

Как видно из жалобы ирокезов, империалистическое правительство США готовит новые законы, предусматривающие новое земельное ограбление и дальнейшее ограничение самоуправления ирокезов. В тяжелых условиях реакционного режима современных США ирокезы борются за свои человеческие права. Они обращаются с жалобой на новые несправедливости американского империализма в ООН и прежде всего к делегации Советского Союза, в котором все угнетенные народы мира видят своего защитника.